

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Вета Солло

18+

ДРУГОГО ТЦА
МОЯ ЛОЛА

Вета Солло

Друг отца. Моя Лола

<https://litres.ru/74250774>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне нужно осесть на дно в тихом месте и переждать бурю, но приехав к товарищу в гости, меня сносит мощным цунами.

Лола, дочь моего друга, падший ангел воплоти, срывает все предохранители, обнуляет все принципы, и меня накрывает бездна.

Из последних сил включаю игнор и делаю вид, что она мне неинтересна. Вот только девчонка решила довести меня до края. Зря, сладкая, в пропасть мы полетим вместе.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вета Солло

Друг отца. Моя Лола

Глава

Глава 1

Звонок в дверь. Громкий, протяжный.

Господи, кого принесло в субботу в одиннадцать утра?

Не буду открывать. Я сплю.

Трель на весь дом упрямо не прекращается, и я зло откидываю одеяло и босиком спускаюсь на первый этаж.

– Мам, пап!?! – зову я, но в ответ тишина.

Дома я одна. Прекрасно.

Подхожу мимо зеркала и окидываю себя мимолетным взглядом. Копна белых волос взъерошена, лицо сонное, губы ото сна припухшие, только шелковые, короткие пижамные шортики жемчужного цвета и такого же цвета кроп-футболка идеально сидят на стройной фигуре.

Ноги длинные, талия узкая, грудь третьего размера, упругая, стоячая, я довольна.

Не зря пропадаю вечерами в зале и качаю попу.

Снова звонок, и я дергаюсь от неожиданности.

– Да иду я! – кричу на весь холл, уже просто в бешенстве.

Если я голодная или не выспалась, то лучше ко мне не

подходить. Это знают все, кроме, видимо, того, кто за дверью.

Даже не смотрю в глазок, во мне столько ярости, что трогать меня не стоит.

Поворачиваю замки, верхние, нижние, и тяну на себя тяжелую металлическую дверь.

Теплый ветер тут же ударяет в лицо, волосы взлетают, а глаза слепит почти полуденное солнце.

Щурюсь, но когда глаза фокусируются на высоком, широком, даже грозном мужском силуэте, все гневные слова вылетают из головы.

Энергетика силы и властности практически сшибает с ног, терпкий с нотками свежести запах заставляет проглотить язык, я стою и как зачарованная осматриваю затемненную солнцем фигуру.

Сильные ноги обтянуты темными брюками, низкая посадка и толстый кожаный ремень, черная рубашка на явно натренированной груди и широких плечах, две верхние пуговицы которой расстегнуты и привлекают внимание к смуглой коже.

Перевожу взгляд на руки: сильные предплечья, вздутые от напряжения вены, крупные кисти с длинными пальцами, которые держат увесистую, синюю спортивную сумку.

Чуть сдвигаюсь, чтобы спрятаться за силуэтом от солнца и смотрю на лицо.

Широкая, мощная шея, квадратный подбородок, плотно

сжатые губы, прямой нос и черные, как ночь зоркие глаза.

Мужчина смотрит прямо, густые брови хмурятся, а трехдневная небритость и темный цвет волос придают незнакомцу еще большей суровости.

Злость улетучивается, как дым, а вот сердце бежит быстрее рациональных мыслей. По телу проходится непрощенная реакция на сильного самца и сгущается томным сгустком внизу живота.

Не могу отвести взгляда от самых привлекательных для меня мест на мужском теле: мощная шея, предплечья, ладони, пальцы... Ниже просто не позволяю себе смотреть.

Рядом с этим незнакомцем чувствую себя маленькой, робкой, неуклюжей девочкой, хотя я далеко не стеснительная. Была.

– Все рассмотрела? – слышу низкий, серьезный баритон с хрипотцой.

Вспыхиваю, буквально прихожу в себя и наверно даже краснею.

– Нет, многое спрятано под одеждой, – отвечаю с вызовом и тут же про себя стону.

Ну что ты несешь?

– Чтобы войти, мне нужно раздеться? – выгибает густую бровь мужчина, и я только сейчас отмечаю для себя, что он возрастом, почти как мой отец.

Если мне девятнадцать, а отцу сорок четыре, то этому наглому незнакомцу примерно тридцать восемь, ну может со-

рок, если отлично сохранился.

А сохранился он просто божественно. Хотя здесь явно дело в нормальном питании и регулярном спорте.

Пока я облизываюсь на красивого мужчину и сетую, что среди моих сверстников таких нет, незнакомец достает навороченный телефон и кого-то набирает.

– Сергей, здорово! Ты своего падшего ангела не предупредил, что ли, что я нагряну?

Это я, что ли, падший ангел? Вот это заявочка.

– Держи, твой отец, – и мужчина протягивает мне трубку.

Скептически смотрю на мобильный, но беру. Что происходит вообще?

– Да!

«Лола, я совсем забыл тебя предупредить. Ко мне старый друг приехал, прими, пожалуйста, его как положено. Завтраком накорми, чая предложи, а мы с мамой скоро будем».

Поднимаю глаза на друга отца и снова наталкиваюсь на его прямой, самоуверенный взгляд, только почему-то от этих черных омутов мурашки бегут по спине.

– Ладно, пап. Но стоило сказать заранее, я бы хотя бы морально подготовилась, что нужно будет вставать так рано.

Мужчина начинает удивленно улыбаться, а я окончательно плыву. Да нельзя быть таким сексуальным и на вид опасным одновременно.

Сбрасываю вызов и отдаю телефон.

– Спасибо, что приехали не в девять утра, – бурчу я, но

скорее, чтобы скрыть свою взволнованность за маской буки.

— Ты очень гостеприимная, — бросает мужчина и заходит в дом следом за мной. — Кажется, тебе мало давали по попке.

Резко оборачиваюсь и возмущенно смотрю сначала на наглую ухмылку, а потом механически на крупные ладони, и в груди растекается жар.

Быстро несусь на кухню, чтобы скрыть розовые щеки от того, как ярко я представила эти руки на своих бедрах.

Черт, да кто он такой, вообще, что одним своим видом выбивает из равновесия?

— Завтракать будете? — не оборачиваясь, спрашиваю я.

— Да, только мне бы руки помыть.

— Ванна в холле справа.

Друг отца уходит, а я облакачиваюсь руками о столешницу, опускаю вниз лицо и почти беззвучно стону.

Так, Лола, дыши, глубже дыши. Ты чего так прониклась этим альфа-самцом? Да, он красивый и очень внушительный, но это не повод терять дар речи и плыть рядом с ним. Тем более он друг твоего отца и раза в два старше тебя.

У тебя Антон есть. Неплохой такой парень, симпатичный, высокий. Пусть не такой подтянутый и вечно трепет тебе нервы, но он твой типа парень.

Ой, да кого я обманываю, парень называется. Вчера должны были встретиться, а он укатил с друзьями тусить, а потом мне фотки шлет, как он другу байк помогает чинить, только вот на заднем фоне толпу телочек забыл затереть.

Воспоминания о вчерашнем вечере портит настроение еще сильнее, и я громче нужного ставлю сковородку на плиту.

– Все в порядке? – летит хриплый баритон прямо в спину.

Быстро оборачиваюсь и вижу друга отца, который вальяжно привалился к откосу двери, засунул руки в карманы и смотрит так, что поджилки стонут.

– Омлет едите? – игнорирую я вопрос, но не потому, что хочу нахамить, а наоборот, чтобы ничего грубого под руку не сказать.

– А если нет?

– Будете, – бросаю я, разворачиваюсь к столу и разбиваю яйца в стеклянную миску, но тут в голове рождается крайне важный вопрос. – А вы у нас в городе проездом?

Очень надеюсь, что прозвучало необходимо, и мой истинный вопрос мужчина не понял.

Но незнакомец чертовски сексуально улыбается. Теперь уже он окидывает мой утренний образ медленным, пристальным, изучающим взглядом, словно под микроскопом рассматривает каждый изгиб тела, каждый не прикрытый одеждой участок, задерживается на выпирающей груди, да так, что у меня соски встают колом и проступают сквозь тонкую ткань; дольше приличного смотрит на припухшие губы, и я готова поклясться, что уголок его губ мимолетно дергается, затем он возвращает взгляд на мое лицо и самоуверенно отвечает.

– Нет. Не проездом. Я буду жить с вами.

Глава 2

От такого сообщения, я даже дар речи теряю.

Однако! А, все равно.

Но вот гормонам совсем не все равно, и я сглатываю.

– Ты против? – спрашивает мужчина, подходит ко мне и забирает яйцо. – Меня Давид зовут. А ты у нас кто?

– С чего мне быть против? Мне все равно. Видимо, вам надо, а отец и мама не против, – пожимаю плечами и забираю обратно яйцо.

– Вот и отлично, – Давид берет другие яйца со стола и разбивает их в подготовленную миску. – Так как тебя зовут, падший ангел? И яйцо отдай.

Мужчина тянется к моей руке, но я из чистого упрямства отвожу ее в сторону.

– С чего это я падший ангел? – смотрю с вызовом прямо в темные глаза, а мужчина делает шаг в сторону, чтобы дотянуться до яйца, но буквально прижимает меня к столешнице своим грузным телом, а в легкие врывается его крышесносный запах.

– Ты себя видела? – нависает надо мной мужчина. – Красивая, хоть и сонная, как ангел, но со всклоченными волосами, словно упала с сеновала.

Давид начинает улыбаться, но сам при этом не сводит глаз с моих припухших губ.

Господи, что за улыбка? Белоснежные ровные зубы, по-мужски жесткие губы, но эти морщинки у внешней стороны глаз и рядом с уголками рта, добавляют мужчине безумной, но чертовски опасной харизматичности.

Почти задыхаюсь от такой близости, тестостерон Давида просто сносит мои гормоны, и я перестаю вообще нормально мыслить.

- Я спала, – глупо оправдываюсь я.
- Это я понял, – и продолжает стоять и давить взглядом.
- Яйцо не отдам, – зачем-то упрямлюсь я.
- Я другое возьму.
- Это не ваш дом, чтобы здесь хозяйничать.
- Не мой, но твой отец сказал, что я могу чувствовать себя как дома.
- Даже так? – вспыхиваю я.
- Угу.
- Зачем вам яйцо?
- Омлет взбить.
- Я сама.
- Сама будешь, когда в доме мужика не будет. Ставь лучше чайник.
- Вам еще и командовать мной разрешили?
- А мне для этого разрешение не нужно. Я, когда вижу строптивых девочек, сразу начинаю их воспитывать.
- И много уже воспитали?
- Это ты сейчас хочешь так узнать, какая по счету ты вос-

питанница?

Теряюсь, словарный запас обнуляется, щеки в момент вспыхивают, меня уже колбасит от бьющейся между нами энергетики, и я ничего лучше не придумываю, как развернуться в ограниченном пространстве спиной к мужчине и самой разбить в миску это яйцо.

Вот только упругими, подкаченными ягодицами я упираюсь в мужское достоинство и в полной мере оцениваю размер его стояка. От неожиданности так откровенно столкнуться с посторонним мужчиной, вздрагиваю, напрягаюсь и раздавливаю дурацкое яйцо в руке.

По пальцам растекается теплая, вязкая субстанция, моя фантазия напрочь сносит крышу, и я совершенно незапланированно, нечаянно, механически, внезапно и что там еще есть в оправдание, стону.

Стону, обрываю звук и прикрываю глаза от стыда.

– А ты опасная девочка, – раздается над ухом бархатный голос, и я покрываюсь мурашками, – так с яйцом поступить.

Моментально вспыхивает злость.

Да, что он себе позволяет?

Толкаюсь ягодицами ему прямо в пах, еще раз оцениваю размер достоинства и надрывно бросаю:

– Отпустите меня! И не трогайте больше никогда!

Выбрасываю скорлупу в мусор, остервенело смываю желток с пальцев и иду к выходу из кухни.

Почти дохожу до двери, как слышу сдержанный низкий

смех.

– Я тебя даже пальцем не тронул, ангел.

Разворачиваюсь и раздраженно наблюдаю, как этот Давид невозмутимо открывает холодильник, берет яйцо, сыр и возвращается к столу.

– Ты сама себе все представила, сама вспыхнула, как искорка, сама же испугалась своего желания. Но я не против взять ответственность на себя. Только при одном условии: в следующий раз не сдерживай стон.

– Вы в своем уме? – шиплю я, а мужчина уже откровенно смеется.

– Расслабься, девочка, я шучу. Зеленые ангелочки меня не интересуют.

Краснею от возмущения до самых ушей, но тут в замочной скважине проворачивается ключ, и входная дверь открывается.

– Лола, мы вернулись! – слышу я голос мамы, и родители заходят в дом.

Выдыхаю с облегчением, а вот Давид невозмутимо продолжает взбивать яйца, наливает в миску молоко и снова отточенными движениями перемешивает субстанцию.

Зависаю на длинных пальцах, что держат вилку, и пространство кухни дребезжит. От эмоций, что кипятят кровь, ничего не вижу и не слышу, лишь широкая спина в черной рубашке и белая пенка от яиц стоят перед глазами.

– Доченька, а что у вас происходит? – на кухню заходит

мама и ставит пакет с продуктами на стол.

Следом с покупками проходит отец, ставит все на пол и с широкой улыбкой идет к Давиду.

– Сколько лет, сколько зим, друг! – восклицает отец, и мужчины в приветственном жесте обнимаются. – Я очень рад, что ты позвонил. Двери моего дома для тебя всегда открыты. Познакомился уже с моей дочкой?

– Давид, здравствуй, – мама целует гостя в щеку. – Рада тебе. А почему ты готовишь? Лола?

– Что Лола? – злюсь я.

Знали бы они, какой невыносим на самом деле их друг.

– Катя, я сам забрал у Лолы вилку, – улыбается белоснежной улыбкой Давид. – Я готовлю обалденный омлет, и в качестве благодарности хотел угостить твою дочь.

– Все равно это не дело. Присаживайся, я с Лолой сейчас все организую, – включает хозяйку мама и все же забирает миску с яйцами.

– Мне бы переодеться и с дороги принять душ, – просит Давид, но на меня больше не смотрит.

– О да, конечно. Лола, – и отец машет рукой вверх в сторону второго этажа. – Проводи Давида. Мы решили разместить его в гостевой комнате, которая сразу напротив твоей. В других у нас небольшой ремонт.

И тут я покрываюсь испариной.

Глава 3

Сверлю отца недовольным взглядом, но тот делает вид, что ничего не замечает.

– Давид, Лола проводит тебя и все покажет, – поддерживает мужа мама. – Мы немного не успели подготовиться, поэтому ты пока отдыхай, а через пятнадцать минут будет готов завтрак.

– Катя, перестань суетиться, – улыбается нежданный гость, по крайней мере, для меня он полная неожиданность. – Я очень благодарен вам за гостеприимство. Отпуск оказался внеплановым, поэтому я даже не успел подыскать себе квартиру. А Серега настоял, чтобы я пожил в вашем доме.

– Давид, брось, – говорит отец. – Ты наш старый друг, какие могут быть сомнения? Дом большой, свободная комната есть. Отдыхай. Мы еще на рыбалку с тобой съездим, шашлык вечером пожарим, вспомним прошлое. Столько времени не виделись. Ну?

Давид жмет руку моему отцу, а я мысленно выдыхаю. Радует то, что отец займет этого мужчину, и мы не будем часто пересекаться. Остается показать этому сексуальному дьяволу, где его кровать и быстро слинять из дома.

– Лола, возьми в шкафу в холле постельное белье и полотенца. Я не успела застелить постель в гостевой комнате. А потом спускайся ко мне, поможешь еще с обедом.

Стискиваю челюсть и выхожу в холл. Нужно просто забыть прелюдию омлета и запах этого брутала, и в целом можно жить.

Ну что я и правда завелась. Мужик как мужик. Просто здоровый, красивый и... Черт, у него наверно опыт о-го-го.

И от представления его «опыта», горячо сжимает в груди.

Надо в календарь посмотреть, у меня наверно овуляция, поэтому и реакция на мужчину такая острая и неконтролируемая.

Копошусь в ящиках, выбираю подходящее белье, беру набор и несколько полотенец, медлю как могу, потому что этот прожигающий взгляд чувствую даже спинным мозгом.

Сердце взволнованно колотится, внутри все томится в неудовлетворенности, точно середина цикла, другого объяснения нет.

Даже не смотрю на Давида, который, как гора ровно стоит у подножия лестницы и наблюдает за мной.

Просто иду наверх. Нет, не просто. Ноги подрагивают знатно, потому что готова зуб отдать, что этот нахал сейчас пожирает мою обтянутую одеждой попу и наверняка облизывается на полушария упругих ягодиц, которые виднеются из-под коротеньких шорт.

Хватаюсь за перила, чтобы не споткнуться, но все еще держу спину ровно, а подбородок выше.

Моя комната, как и Давида, находится в конце коридора второго этажа. Молча сворачиваю за угол и захожу в крайнюю спальню.

Здесь ремонт закончен и все вылизано до блеска. Кидаю на край кровати стопку и стягиваю одеяло. А дальше, уже

сложнее.

Кровать два на два метра, чтобы застелить ее или добрать-ся до подушек, нужно либо нагнуться, либо подползти на четвереньках.

Спина покрывается испариной. Меня волнует совсем не то, что Давиду снова откроется шикарный вид сзади, а моя реакция на его реакцию. Ничего не могу с собой поделаться. Это мне нужно в душ, а не ему. Или нужно разрядиться. Да, это выход. Тогда я больше не буду течь при виде этого тела.

«Меня зеленые ангелочки не интересуют», – всплывает в памяти его фраза, которая очень задела.

Хорошо, давай посмотрим, как не интересуется. У меня-то мои пальчики есть или в крайнем случае Антона приглашу, а вот как будет выкручиваться этот мужик, хотелось бы посмотреть. Не кулаком же работать будет.

Медленно, совершенно спокойно наклоняюсь вперед, ставлю одно колено на кровать и тянусь за подушкой.

Выпрямляюсь и слышу шумное, тяжелое дыхание за спиной.

Сдерживаю улыбку, но чертовски довольна результатом, поэтому надеваю наволочку на подушку и поворачиваюсь к мужчине.

– На вторую подушку наволочку надевать? – невозмутимо спрашиваю я, но голос напряжен, поэтому тихий.

Давид стоит у порога и почти не дышит, на лбу проступают вертикальные вены, а взгляд хищный, опасный, такой

непредсказуемый, что я даже теряюсь и подумываю прекратить играть с этим зверем.

– Надевай, – хрипит мужчина. – Она пригодится.

У-у-у, вот как? Хотя не думаю, что отец разрешит ему водить сюда женщин.

Проделываю те же манипуляции со второй подушкой, но принципиально на мужчину не оборачиваюсь. И так понятно, что он видел все, что надо и уже возбужден.

Обхожу кровать с другой стороны и вскидываю простыни вверх, чтобы расправить.

– Поможете? Так быстрее будет, – невинно прошу я и только сейчас смотрю на мужчину.

С невозмутимым видом, но явно покрасневшей от внутреннего напряжения шеей, Давид подходит к противоположной от меня стороны кровати и натягивает на себя ткань.

Наклоняюсь и проделываю то же самое, но боковым зрением замечаю, как мужчина замирает в неудобной позе, а взгляд устремлен на меня.

Даже реакции никакой не подаю, прекрасно знаю, что привлекло его внимание. Моя кроп-футболка: оверсайз, горло широкое, а лифчик дома я не ношу.

Представляю, как призывно сейчас колыхнется моя совсем небольшая грудь. Хотя, чего мне представлять, я это чувствую, и как воздух по коже гуляет, тоже ощущаю, но невозможно продолжаю исполнять роль доброй хозяйки.

Это тебе альфа-самец за «зелень», за «не интересуется», за

«сеновал» и за «воспитание строптивых девочек».

– Здесь все, – спокойно констатирую факт я, открываю платяной шкаф и пытаюсь дотянуться до верхней полки, чтобы достать одеяло.

Ничего не выходит, поэтому я становлюсь на носочки и тянусь двумя руками.

Внезапно сзади ко мне прижимается горячее тело, огромные шершавые лапищи обхватывают за туловище в районе ребер, да так, что пальцы аккуратно ложатся на нижнюю часть полушарий груди.

Черт, видимо, короткая футболка задралась бесстыже высоко, когда я подняла руки. Уф-ф.

– Я помогу, – раздается низкий хрип возле самого уха, и меня, как пушинку отрывают от пола.

Быстро хватаю одеяло, возвращаюсь ногами на пол и разворачиваюсь в сильных руках.

Глаза Давида темные, почти черные, взгляд подавляющий, припечатывающий к месту, брови вздернуты в раздражении, а руки все еще под моей грудью.

Одеяло выпадает из рук, но мужчина меня так и не отпускает.

– Решила поиграть со мной, ангел? – тихо, но очень опасным тоном шипит Давид.

– Я? Нет, – начинаю паниковать.

– Решила проверить мою выдержку? – и большие пальцы Давида сдвигаются с места, ложатся на острые соски и давят

на них.

Из груди вырывается гулкий выдох, между ног все вскипает, но я упрямо мотаю головой.

– Хочешь меня раздраконить? Потом жалеть не будешь? Снова качаю головой, а Давид удивленно вскидывает брови.

Нет! Нет! Я имела в виду, что не хочу драконить, просто заигралась. Но поздно.

Давид одним движением вскидывает мою футболку до шеи и цедит в лицо:

– Ты этого хочешь?

И мужчина наклоняется к груди, а я вижу, как его губы приближаются к моим соскам.

Глава 4

Задерживаю дыхание, закрываю глаза и, в ожидании острого разряда от прикосновения губ к груди, сжимаю крепкие плечи мужчины пальчиками.

За закрытыми веками уже проносится картина, как мужской рот жадно втягивает в себя мои соски, как по очереди катает их языком, как прикусывает, и меня охватывает безумное возбуждение. Реально накрывает.

Но проходит секунда, еще одна и ничего не происходит.

Открываю глаза и вижу, что мужчина стоит прямо, с абсолютно серьезным видом рассматривает мои порозовевшие щеки и затуманенные глаза.

– Лола, ты потом пожалеешь об этом. Ты чертовски сексуальная, безумно красивый ангел, а я здоровый мужчина, но я слишком взрослый для тебя, вдвое старше. Подумай над этим.

А мне так стыдно становится, так неловко. Сама затеяла игру и сама же попалась на свою удочку.

Внутри вспыхивает обида, задетая гордость лютует, я выгляжу, словно навязываю себя.

– Я ничего не сделала! – агрессивно отвечаю я. – Я лишь застилала вам постель.

– Девочка, я не наивный мальчишка, я прекрасно могу различить, когда женщина стремится привлечь внимание мужчины. И поверь, ты привлекла его еще тогда, когда только открыла входную дверь.

– Вот не надо, – я толкаю Давида в грудь, но он скала. – Вас не интересуют зеленые и неопытные. Да и меня совсем не привлекают такие мужчины, как... Друзья моего отца! Вы все не так поняли.

– Не так все-таки? – склоняет голову набок Давид.

– Нет. Мне все равно на вас. Я вас знаю только полчаса.

Давид разжимает руки и выпускает меня из своих объятий.

А мне рыдать хочется. И сбежать. И остаться и снова прижаться к этому мужчине.

С ним появляется чувство защищенности, надежности, силы. Сверстники не такие, они не уважают, не смотрят так,

как он, не видят во мне то, что видит он. Антону вообще все равно есть я рядом или он один. А с Давидом чувствуешь себя и правда, ангелом, чертовски сексуальным, желанным ангелом.

Не подаю вида, как задета, выбегаю из его комнаты и убегаю в свою.

Закрываю дверь, дышать тяжело, но между ног до сих пор тянет вожделением. Хожу кругами, пытаюсь успокоиться, но выходит медленно. Надо ускориться, мама ждет на кухне, но в таком состоянии нельзя.

Черт! Я этого мужика действительно знаю только полчаса. Чего я так завелась? Что за необъяснимая реакция?

Да, красив, да, мужественен, но мало ли таких вообще. Или меня задело его высказывание о зеленых девочках, поэтому я из упрямства и строптивости вознамерилась ему доказать, что он врет?

У любого мужчины встанет на красивое тело и неважно сколько лет. А его стояк я почувствовала еще на кухне. Тогда кому он врет? Мне или себе?

Хорошо, Лола, допустим я доказала его неправоту, и он ее признал, дальше что? Ты реально собралась переспать с другом отца?

И от этого вопроса я прихожу в ступор. Играй, да не заигрывайся. Остановилась бы я, если бы он пошел дальше?

Не знаю. Но он не пошел.

Делаю быстрых и резких три выдоха и выхожу из спаль-

ни. Дверь Давида открыта, но мужчины внутри нет. Прохожу мимо ванной комнаты и слышу шум воды. Все ясно.

Фантазия сразу же подкидывает картинки мужского тела, по которому бегут струйки воды, но я не позволяю себе разгонять эти мысли, трясую головой и спускаюсь на кухню.

– Все сделала? – спрашивает мама.

– Угу.

– Лол, ты нормально себя ведешь. Извини, что не предупредили о Давиде, но он говорил с отцом вчера вечером, а утром ты спала.

– Все нормально, мама, – очень стараюсь говорить спокойно, не объяснишь же ей, в чем на самом деле проблема. – Я просто еще не ела, поэтому настроение на нуле.

Мама подходит, гладит меня по голове и целует в макушку.

– Сейчас накормим тебя. И гостя нашего тоже. Ты умница, продержишься десять минут? – мама улыбается, а мне даже стыдно становится за свое настроение.

– Конечно, – улыбаюсь в ответ. – Что тебе осталось сделать?

– Режь хлеб и делай чай. Омлет почти готов, свежие овощи и печеночный паштет уже на столе. Сейчас только зелени помою еще.

Делаю, что просит мама, а сама все думаю о Давиде.

– Мама, а кто этот Давид вообще?

– Вообще, он брат папиного сослуживца, но когда твой

отец пришел из армии, этот парень погиб, несчастный случай, и Сережа очень сильно поддержал Давида и его близких. Потом прошло время, мы поженились, и твой папа взял Давида на работу. На тот момент он уволился из военизированной структуры, не хотел больше там работать, и папа устроил его начальником службы безопасности. Через время Давид уволился и открыл свое агентство службы безопасности. После этого Сережа и Давид стали тесно сотрудничать. Наша фирма выросла и охрана, которой можно доверять очень кстати. Но два года назад Давид свернул компанию и перевез бизнес в свой родной город, там какие-то дела с наследством были, долго все тянулось, вот он и осел уже там. Вот и вся история. Папа и Давид какое-то время созванивались, но рутина, бизнес, семья занимают всю нашу жизнь. А вчера позвонил, что в городе, встретиться хотел. Отец и предложил у нас остановиться.

– Ясно, – коротко бросаю я и принимаюсь резать хлеб. – У него наверно жена и ребенок там, в городе остались.

– Чего не знаю, того не знаю. Два года назад был холост. Может, что и изменилось.

Заканчиваю с хлебом, разливаю заварку по кружкам и боковым зрением замечаю, что на кухню заходит сначала отец, потом Давид.

Мужчины непринужденно о чем-то разговаривают и смеются, а когда рассаживаются по местам, я ставлю перед ними чай.

Давид не смотрит на меня, словно игнорирует, а я тоже изо всех сил делаю вид, что ничего между нами не произошло, и мне абсолютно все равно на мужчину.

На кухне царит суматоха, мама очень рада гостю, отец и подавно, а я чувствую накаляющееся напряжение. Хочется что-то сказать колкое, чем-то задеть его, чтобы хоть голову повернул в мою сторону, но продолжаю лишь механически накрывать на стол.

Все рассаживаются, и последнее место остается рядом с Давидом. Мысленно благодарю вселенную за издевательство и присаживаюсь на стул.

Делаю вдох. И плыву.

Аромат мужского геля для душа, смешанный с запахом самого мужчины врывается в легкие и уносит в рай. Непроизвольно поворачиваюсь к Давиду, чтобы глубже вдохнуть эту силу и власть, но вовремя останавливаюсь и подрываюсь со стула.

На мое спасение тут же звонит мой телефон, который я бросила на тумбе в холле.

– Лола? – удивляется мама.

– Телефон, – только и говорю я.

Сглатываю и иду в гостиную. Это Антон. Супер. То, что нужно.

– Алло! – специально громко рядом с кухней отвечаю на звонок. – Привет, зай! Нет, не занята. Вечером? С удовольствием. А чем займемся? Даже так? Хорошо, надену самое

красивое свое платье. Да, то, которое обтягивает, как вторая кожа. Я в предвкушении уже. Пока.

Не успеваю положить трубку, как слышу из кухни треск стекла, и возглас мамы:

– Боже, Давид, ты не поранился?

Глава 5

Давид

По пальцам течет кровь, горячий чай растекается по столу, а я смотрю на руку и испытываю кратковременное облегчение.

– Давид, у тебя кровь, – замечает Серега, а Катя, видя бордовые потеки, бледнеет.

– Лола! Лола, иди скорее сюда! – зовет дочку Катя и суетится, вытирая разлитую жидкость. – Как так-то? Давид, прости, ты не ошпарился? Видимо, кружка уже была треснутой, а сейчас не выдержала.

– Все, нормально, Кать, обычное дело, – хриплю я, наслаждаясь болью, которая перевела на себя внимание с моего паха.

– Как же обычное? Ты порезался и мог получить ожог.

В кухню возвращается мелкая бестия. Уверен, она специально так громко разговаривала со своим пацаном, чтобы я слышал.

Черт, и я отреагировал именно так, как она рассчитывала. Улыбаюсь. Пытаюсь сжать губы, но все равно довольную

мину не скрыть. Хитрая девчонка, не промах, упрямая, не терпящая игнора.

Кайф. Укротить бы чертовку, скрутить у себя на коленях, да отшлепать по аппетитной заднице, но боюсь ее отец, мой друг, этого не поймет.

– Лола, – Катя опирается о разделочный стол и машет на себя полотенцем. – Дочь, Давид поранился, помоги обработать рану. Ты же знаешь, я не переношу вид крови.

Лола сначала без эмоций смотрит на мать, видимо, перебирая про себя все бранные слова, а потом переводит на меня удивленный взгляд, оценивает размер ущерба на руке и снова поднимает на меня свои синие, большие глазенки.

– Вы тоже боитесь крови?

– Я ничего не боюсь, – усмехаюсь.

– Тогда справитесь сами?

Поиграть в твою игру или придерживаться своей тактики игнора?

Соблазн велик. Даже от мысли прикосновений ее пальчиков к моей руке, яйца в кучу собираются. Только я над собой так больше издеваться буду. Надо съезжать ко всем чертям из этого дома.

– Справлюсь, но от помощи не откажусь, – стискиваю челюсть, чтобы не улыбаться, а о том, что творю, даже думать не хочу.

Сорвался. Но обещаю, только на десять минут.

Смотрю, девочка напрягается, даже не мигает, как кукла,

все эмоции сдерживает в себе.

– Идемте в ванну, там аптечка, – холодно бросает этот падший ангел и, не дожидаясь моей реакции, разворачивается и выходит из кухни.

Конечно, плетусь за ней, сейчас мой ход, но, кажется, кто-то легко меня переиграет.

Стройная, невысокая, с полуприкрытыми булочками, идет в ванну, а я сзади слюни пускаю. Так бы и сжал эту сладость, да насадил бы на свой кол.

Перед глазами проносится картина блаженного от вожделения лицо, глазки закрыты, закатаны от удовольствия, пухлый ротик приоткрыт, держится за мои плечи тоненькими пальчиками, а сама скачет на моем члене и мышцы от подступающего оргазма плотнее сжимает.

Прокашливаюсь, чтобы от этой картины не захрипеть в голос и захожу в ванную комнату.

Маленькое помещение, здесь слишком тесно для нас двоих, но как есть.

Лола включает воду, проверяет температуру, а затем кладет белые пальчики на мое крупное запястье и тянет ладонь под кран.

Могла бы просто дождаться, когда я сам смою кровь и промою рану, но девчонка, видимо, решает кинуть мне ответочку.

Только сейчас начинаю отдавать себе отчет, что мы играем с огнем. В пропасть полетим вместе.

Присаживаюсь на край ванны, чтобы не стоять согнувшись и наслаждаюсь безумием, что творится внутри.

Приятно быть в ее нежных руках. Блять, не могу лишиться себя этого удовольствия. Откуда она взялась на мою голову? Кто бы знал, что у Сереги такая взрослая и крышесносная дочь.

Лола молчит, даже не смотрит в мою сторону, только аккуратно гладит грубую кожу фаланг, да старается обходить место пореза, пока промывает рану.

А я тащусь от ее близости. Вишневый аромат девочки забивает легкие, хочу нагнуться, поглубже втянуть в себя... Нет, просто поглубже.

Блять! Клянусь, я слышу звук ее бешено стучащего сердца и быстрого дыхания. И вижу, как на тоненькой шейке ускоренно бьется пульс.

Девочка, ты не одна беснуешься, не одна плавишься изнутри, я с тобой здесь с ума схожу, но кайфую от этих эмоций.

Стараюсь не вспоминать вид ее розовых сосков, бело-снежной, сочной груди. Они были так близко, и один черт знает, как я смог сдержаться и не присосаться к этим спелым яблочкам.

Сносит башню, от всего в ней сносит. От недоброго взгляда у входной двери и вида, словно свалилась с кровати, до вот этой намеренной, холодной отстраненности, словно не парит ее то, что мы здесь только вдвоем и до скрежета зубов

хотим друг друга.

Наконец, Лола заканчивает, аккуратно вытирает мою кисть и тянется к шкафчику за аптечкой.

А я оторваться от ее тела не могу. Стройные ноги, малящие бедра под коротенькими шортиками, тонкая талия, а дальше недофутболка, еще и широкая.

Мне снизу отлично видно, как колышутся полушария ее груди. Не полностью, но мне хочется самому дорисовать картину. Притом что я ее видел.

Член уже колом стоит, надо бы отвлечься, поговорить о чем-то нейтральном, а мне и так хорошо. Хочу только притянуть к себе этого порочного ангела, уткнуться носом в шею, там, где волосы лежат, и дышать этой наивной чистотой.

– Твое полное имя случайно не Лолита? – какого-то хрена лапаю я, а Лола в недоумении вскидывает на меня глаза.

– Есть ассоциации? – язвит малышка.

– Я лишь спросил про имя, а ты уже провела параллель, – усмехаюсь я, но тут же морщусь от боли.

Этот безумный ангел намеренно тянет на себя мою кисть и зажимая палец прямо у пореза.

Лицо Лолы невозмутимое, делает вид, что ничего не понимает. Достает антисептик из аптечки, обильно поливает рану и... блять, вытягивает свои пухлые, сочные, розовые губки в трубочку, наклоняется над моей рукой и начинает дуть.

Пока бестия не видит, сильно-сильно зажмуриваю глаза и

пытаюсь представить свою собственную разбитую машину, чтобы хоть как-то вызвать в себе негативные эмоции и не сграбастать эту малышку и как минимум не засунуть язык ей в рот.

Но Лола испытывает меня дальше, располагается у меня между ног, голыми ножками касается бедер, а сама медленно, неторопливо, но чертовски нежно заматывает палец бинтом.

И вот, казалось бы, все закончено, и нам можно расходиться, но этот желанный доскрежета зубов ангел поднимает голову и смотрит прямо в глаза, а между нашими губами не больше десяти сантиметров.

– Я кончила, – говорит она тихо, но я все прекрасно понимаю. – Еще пожелания?

И тут у меня нахрен сгорают все предохранители, я притягиваю девчонку к своему вздыбленному пазу, обхватываю сзади за шею и цежу ей прямо в губы:

– Есть!

Глава 6

Лола

Время застывает, все исчезает, остается только его прожигающий взгляд и частое дыхание.

Он хочет меня, чувствую это своим лобком, в который упирается вздыбленный член в штанах Давида.

Меня настолько сильно кроет от присутствия мужчины,

от его подавляющих феромонов, что я вся дрожу, голосовые связки и мозг отказываются работать, в голове лишь одно желание – переступить эту грань и прижаться к его мягким губам.

Он смотрит так, что пугает: черный взгляд уничтожает, густые брови сведены к переносице, он хмурый, сейчас суровый, но ему хочется подчиниться, выполнить любой приказ или желание.

И я жду, когда он его озвучит.

– Есть, – цедит Давид, и рука на шее расслабляется. – Держись от меня подальше!

Я думала, мне послышалось, поэтому я, как стояла, так с места и не сдвинулась, но когда до меня доходит смысл сказанного и догоняет холодный, отстраненный взгляд Давида, меня словно молнией прошибает, и я начинаю задыхаться.

От возмущения, от неверия, злости и разочарования.

Кажется, у меня краснеют даже уши.

Я толкаю мужчину в грудь, пячусь назад и в итоге выбегаю из ванны.

Растерянно торможу посреди холла, не понимаю куда деваться. Люто хочу спрятаться от этого самодовольного типа, но от собственного стыда не убежать.

Устремляюсь к лестнице, чтобы закрыться в своей комнате, но слышу из кухни маму, которая просила помочь с обедом. Мне бы в идеале вообще сбежать из дома, как минимум пока не верну себе равновесие, и не успокоится сердце.

Решаю, что комната пока лучший вариант, но не успеваю сбежать.

– Лола, солнышка, у нас с папой некоторые изменения, – выходит мама из кухни и снимает фартук. – Нас срочно вызывают в третий филиал, там какая-то проверка нагрянула. Нужно срочно выезжать, а ты...

– Мама, не говори только, что вам обоим нужно ехать, – испуганно спрашиваю я.

– Конечно, вдвоем. Папа руководитель, я главный бухгалтер. Мы оба там нужны, – мама улыбается, подходит вплотную и поправляет мои все еще включенные волосы. – Детка, ну ты уже большая, девятнадцать лет, ты что, без нас сутки не проживешь? Мы завтра к вечеру вернемся. Надеюсь.

– Надеюсь? А что мне делать с... вашим гостем?

– А что с ним делать? Я курицу замариновала, картошку почистила и специями пересылала. Тебе нужно только в духовку все поставить, и через сорок минут обед будет готов. А в остальном он не маленький мальчик, найдет себе занятие.

«Вот именно, мама, – думаю про себя, – он взрослый, даже очень мужчина, и его занятие – это выводить из равновесия меня».

В это время вниз спускается папа, а из ванной выходит Давид.

– Давид, мне очень жаль, но мне с Катей нужно срочно уехать по работе. Завтра вернемся. Надеюсь, вы с Лолой здесь вдвоем справитесь? – жмет папа своему другу руку.

– О чем речь, Серега. Лола девочка взрослая, сможет за себя постоять, – улыбается Давид, но на меня снова не смотрит, полный игнор.

– Надеюсь, стоять ей за себя не придется, – подыгрывает отец, – но я уверен, в случае чего, ты лучшая защита для моей девочки.

От этого пафоса я непроизвольно закатываю глаза и ухожу на кухню. Пока мама собирает вещи в дорогу, я ставлю в духовку курицу и картошку в рукаве.

– Все, милая, мы уехали. Веди себя хорошо.

Родители уезжают, а я поднимаюсь к себе в комнату и забираюсь в душ. Нужно охладит тело, а заодно и мозг, куда делся Давид, я не знаю и знать не хочу. У меня в планах бассейн, легкий загар, любовный роман и не забыть про духовку.

Выбираюсь из ванны, надеваю купальник и скептически осматриваю себя в зеркало.

– Нет, – поджимаю губы, – этот купальник никуда не годится.

Тут же все снимаю, достаю с полки белый: лиф без поролона, а трусики стрингами.

– Вот здесь я понимаю, есть чему загорать, – сама себе улыбаюсь, беру полотенце и спускаюсь вниз.

Очень удачно звенит таймер печки. Я выключаю духовку и выхожу на задний двор к небольшому бассейну.

Кидаю полотенце на шезлонг и захожу в воду. Блаженство.

Истинное наслаждение.

Сделав несколько заплывов по кругу, замечаю открытую дверь в подземный гараж, где у нас, помимо прочего, есть помещение тренажерного зала.

– Хм, кто-то решил позаниматься?

Выбираюсь из воды и иду в сторону зала. Посмотрю только одним глазком и тут же уйду.

Крадусь на носочках, оставляя после себя влажные следы. Ну и ничего, я здесь живу, поэтому, где хочу, там и хожу.

Замираю возле больших, стеклянных дверей в пол и не могу отвести взгляд от этого сексуального тела.

Широкие плечи, мощная спина, загорелая кожа, покрытая каплями пота. Он работает с гантелями, с большим весом, и каждое его движение выверено, отточено.

Давид проходит к скамье, расположенной у стены, и приступает к упражнениям. Отжимания. Он делает их легко, непринужденно. Его грудные мышцы напрягаются, вздымаются. Руки работают, как поршни.

Затем он подтягивается на перекладине. Его широчайшие мышцы спины раскрываются во всей красе. Он подтягивается снова и снова, не проявляя ни малейших признаков усталости.

Затем упражнения на пресс. Мужчина ложится на спину, поднимает ноги. Его живот плоский, твердый, кубики пресса отчетливо проступают сквозь кожу. Мой пульс учащается, прижимаюсь лбом к стеклу и чувствую, как внизу живота

нарастает жар.

Мне бы уйти, перестать подглядывать, прекратить заводить себя, мучить, но я вопреки здравому смыслу хочу подойти и коснуться это сильного, просто стального тела, почувствовать жар кожи, силу его мышц.

Давид заканчивает упражнения, встает и берет бутылку с водой. Делает большой глоток. Вода стекает по его подбородку, по шее, капает на широкую грудь, а я ничего не могу с собой поделать, лишь облизываю пересохшие губы и продолжаю смотреть.

Мужчина берет гриф, подходит к стойке с блинами, которая стоит у зеркала напротив входной двери, и тут он замечает меня.

Короткий миг, и он резко оборачивается. Замираю под его жарким, пылающим взглядом, смущаясь, застигнутая врасплох, а потом ловлю собственное отражение в зеркале.

Мой белый купальник от воды ожидаемо стал прозрачным. Именно поэтому я его обычно не надеваю, и именно поэтому я надела его сейчас.

Но видеть свои собственные, проступающие сквозь ткань, ореолы сосков и призывную щелочку, идущую от лобка между ног, не то же самое, когда это видит только мужчина. Я будто бы голая.

Сердце несется вскачь. Мне бы развернуться и быстро сбежать, но я стаю и позволяю Давиду пожирать меня похотливым взглядом.

– Ты знаешь, что я вижу? – доносится до меня через стекло его хриплый вопрос.

Я не могу ответить, между ног ноет, в ушах шумит кровь, и я просто киваю.

– И тебе это нравится? Нравится испытывать меня?

Сглатываю, но снова киваю.

Кажется, Давид теряет терпение, хищно улыбается и склоняет голову набок.

– Хорошо, я сдаюсь. Чего ты ждешь? Заходи и покажи мне больше. Или слабо?

Глава 7

И тут я трушу. По-настоящему трушу. Понимаю, что доигралась, что получила то, чего добивалась, а когда мужчина реагирует именно так, как я хотела, пугаюсь.

Пугаюсь его возраста, уверенного и решительного взгляда, пугаюсь его опыту, его умению обращаться с женским телом. Боюсь, что раздавит волю, покорит, подомнет под себя, что я больше не смогу без него, захочу большего, а он не пожелает дать.

Наверно мои глаза расширяются до пятирублевой монеты, потому что Давид удивленно приподнимает бровь, а когда делает несколько шагов в мою сторону, я просто срываюсь с места и быстрым шагом убегая назад к бассейну.

Глупая, слабая Лола! Ты же хотела этого! Ты хотела, чтобы он желал тебя! Ты же была готова попробовать с ним!

А что сейчас?

Сейчас сердце бьется где-то в горле, тело подрагивает от недавнего возбуждения, а сейчас от волнения.

А если он пойдет за мной, если решит догнать и взять свое на правах сильного?

Быстро оборачиваюсь, но к моему облегчению Давида не вижу. Только грохот скинутой с плеч штанги в зале и пение птиц на улице доносятся до ушей.

Выдыхаю. Наверно, хватит играть с серьезным, взрослым мужчиной, если не готова идти до конца.

Вечером встреча с Антоном, нужно расслабиться и выкинуть этого альфаха из головы. Жаль, что мой парень и рядом не стоит с Давидом.

Давид

Падший ангел оказался не таким уж и падшим. Маленькая бестия не такой уж и смелой. Моя заноза не такой уж и колючей. Но перед глазами так и стоит щелочка ее киски и острые, возбужденные соски.

Блять, ее спасло только то, что она реально струсила и убежала. Иначе прям здесь, в зале на матах стащил бы с нее кулечик, который, видимо, лишь так называется, уложил на спину, закинул ноги себе на плечи и вылизал сладкую девочку, которая просто звала меня, через прозрачную ткань плавок.

Не знаю, как сдержался, не догнал и не взял то, что она весь день мне предлагает. Чертовка! Других слов нет.

Тяну штангу, но перед глазами Лола. Ничего не могу поделать. Я реально сдался. Быстро к тому же, но бороться с ней больше не хочу.

Подхожу к окну, сажусь на широкий, низкий подоконник и любуюсь нежным ангелом.

Она тоже решила охладить пыл и почти полчаса не выходит из бассейна. А лучше бы там и сидела, потому что купальник совершенно ничего не скрывает, а мои яйца уже откровенно звенят.

Лола даже полотенцем нормально обтереться не может, так и хочется слизать с нее капли воды, довести до иступления и услышать, как она стонет от удовольствия.

Пока она загорала, не сводил глаз. Длинные, стройные ноги, сочная, налитая грудь, соски торчком, то ли от порочных мыслей, то ли от холодной воды. Талия узкая, шейка длинная, так бы и искусал ее.

Светлая кожа лоснится под лучами солнца, просто залипаю на этой красоте, но когда она переворачивается на живот, и моему взору открывается упругая, подкаченная попа в стрингах, понимаю, что член в штанах больше держать нет сил.

Встаю, от боли в паху ударяю кулаком о грушу и нахрен ухожу из зала. Иду, не оглядываясь, сразу в свою комнату. Беру принадлежности и выхожу в коридор, чтобы направиться в душ. В холодный. Нет, ледяной.

Комната Лолы открыта, а на столе лежат ее белые кружев-

ные трусики. Рычу в голос и скрываюсь в ванной комнате.

Ледяные струи реально сбивают настрой, и я снова чувствую себя человеком. Не знаю, сколько стою так, но когда выхожу и выглядываю в окно своей спальни, снова вижу ее, только уже одетой в легкий сарафан и с книжкой в руке.

Лола лежит под деревом на тканевом лежаке, белые волосы раскинуты по плечам, нижняя губка прикусана. Ангела что-то очень волнует по тексту, но когда она невольно стискивает ноги и характерно ерзает на лежаке, прекрасно понимаю, какой отрывок сейчас читает девочка.

Потираю лицо руками и заваливаюсь на постель. Столько планов было, столько дел, но я выжатый, как лимон. Морально выжат, энергия на нуле, а в голове только одно, как бы удержаться и не трахнуть эту ангельскую бестию.

Не замечаю, как засыпаю, потому что, когда открываю глаза, за окном темно.

Не понял!

Беру мобильный: 21.30, а в доме тишина.

Выхожу, осматриваюсь, девчонки нет. Вот это меня вырубilo.

Вспоминаю, что у Лолы назначена на вечер встреча с парнем, и тут же начинаю беситься.

Она не моя, но пиздец коробит от мысли, что какой-то чел тронет этого ангела, прикоснется даже пальцем, про хер даже думать не хочу, что-нибудь разнесу.

На кухне, на плите мясо и картошка. Девочка заботливо

выставила все на видное место. Ем, понимаю, что вкусно, но вкуса не чувствую. Все время смотрю на часы, но время словно стоит на месте.

Черт, веду себя так, словно она моя. Это не так. Но блять, хочу.

В груди свербит, в голову лезут отвратительные мысли, и я начинаю дико злиться.

Лола взрослая, свободная, может ножки раздвигать, перед кем захочет. Мне нет дела. Но, кажется, я сам себя обманываю.

Поднимаюсь в комнату, дверь не закрываю и сажусь в кресло, прямо напротив комнаты Лолы.

Проходит час, два, телефон показывает 00.30, а ее все нет. Начинаю беспокоиться, но наконец, входная дверь с грохотом хлопает, и на лестнице раздаются быстрые, раздраженные шаги.

В доме темно, но света луны достаточно, чтобы увидеть малышку в пиздец сексуальном платье и ее злое лицо с покрасневшими от слез глазами.

А это что еще такое?

Лола тормозит в коридоре между нашими комнатами, несколько секунд смотрит на меня, а затем разворачивается и, забежав к себе в спальню, захлопывает дверь.

Не шевелюсь. Не знаю, что в этом случае делать. Если ее обидел ее хер, то я вырву ему ноги. Вот только скажет ли она мне об этом?

Встаю, иду к двери, но возвращаюсь и сажусь обратно в кресло. Не знаю, может ей нужно сначала успокоиться?

Прислушиваюсь. Тишина. Но внезапно дверь ангела распахивается, она смотрит на месте ли я, а затем уходит вглубь, подходит к столу, берет трусики и отшвыривает их в сторону.

Разворачивается на месте и прямо у меня на глазах медленно, безмолвно пританцовывая, начинает снимать с себя платье.

Сглатываю от этой картины, кадык дергается, а яйца тут же собираются в кучу.

Блять, девочка, что ты творишь? Я же не железный, больше не смогу держаться.

Но Лола останавливаться и не собирается.

– Ты хотел, чтобы я показала тебе больше? Так смотри!

И девчонка заводит руки за спину, щелкает замком и бюстгальтер летит на пол. Лола поднимает вверх руки, тянется к потолку, запрокидывает голову назад и, встав на носочки, кружится.

Просто охуенная. Красивая, нежная, чувственная девочка. Что же ты со мной делаешь?

– Мало? Смотри еще, – говорит Лола и стягивает с бедер вниз по ногам свои тоненькие, черные трусики.

– Лола-а-а... – протяжно хриплю я и не могу отвести взгляда от гладкой, манящей киски.

Внезапно эта бестия садится на стол, ставит стопы на столешницу и раздвигает передо мной ноги. Тонкие пальчики

тут же ныряют во влажные складочки, блеск которых я вижу даже отсюда.

Мелкая стерва начинает ласкать свою киску и, закатив глаза, запрокидывает голову от наслаждения.

– У тебя два варианта друг моего отца, – улыбается ангел порочно. – Либо иди и возьми меня, либо встань и закрой дверь.

Сука! Ноги сами подрываются, и вот я уже держусь за дверь своей комнаты.

Что? Закрыть или похер на все?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.